

ЙОРН ЛИЕР **ХОРСТ**

ЙОРН ЛИЕР ХОРСТ

ЗАКРЫТО НА ЗИМУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44
X82

Jorn Lier Horst
VINTERSTENGT

Серия «Место преступления»

Перевод с норвежского *Наталии Моруковой*

Печатается с разрешения литературного агентства
Salomonsson Agency

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Хорст, Йорн Лиер.

X82 Замкнуто на зиму : [роман] / Йорн Лиер Хорст ; [пер. с норв. Н. Моруковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Место преступления).

ISBN 978-5-17-095881-8

Осенний туман опускается на побережье норвежского Вест-фолла, но скрывает он темные дела. Уве Баккерюд приезжает на свою летнюю дачу, еще не замкнутую на зиму, и обнаруживает, что она разграблена. В доме своего соседа, популярного телеведущего Томаса Рённингена, он обнаруживает тело человека, замкнутого до смерти.

Инспектору полиции Вильяму Вистингу и раньше приходилось расследовать странные убийства, но в лихорадочном отчаянии, с которым совершено это преступление, он видит нечто новое. Беспокойство Вистинга только увеличивается, когда его дочь Лине, словно назло ему, решает остаться в одном из домов в устье фьорда, а подозрения в причастности к убийству падают на ее молодого человека.

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-095881-8

Copyright © Jorn Lier Horst 2016
© Морукова Н., перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Туман рваными хлопьями полз с моря. Он парил над влажным асфальтом, создавая небольшое свечение вокруг уличных фонарей.

Уве Баккерюд вел машину одной рукой. Темнота поглощала пространство вокруг него.

Ему нравилось это время года, когда листва еще не опала. Последняя поездка в летний дом в Ставерне, чтобы заколотить окна ставнями, вытащить лодку на сушу и закрыть дом на зиму. Этот момент он предвкушал все лето. Выходной для себя. Сама работа занимала от силы пару часов воскресным вечером. Оставшееся время принадлежало только ему.

Он сбавил скорость, свернул с главной дороги и въехал на хрустящий гравий. Свет автомобильных фар скользил по живой изгороди из шиповника, высаженной вдоль подъездной дорожки к парковке. Часы на приборной панели показывали 21:37. Он повернул ключ зажигания, вышел из автомобиля и втянул в себя бодрящий запах соленого моря. Волны, бьющие о берег, звучали будто отдаленные раскаты грома.

Йорн Лиер Хорст

Дождь прекратился, и теперь ветер острыми ударами развеял туман. Световой луч от маяка на Твистейне периодически достигал берега и заставлял блестеть курчавые скалы, влажные от дождя.

Баккерюд плотнее закутался в куртку, обошел машину сзади и достал из багажника пакеты с продуктами. Он предвкушал стейк с кровью на ужин и глазунью с беконом на завтрак. Еда для мужчин. Проверил свободной рукой карман, чтобы убедиться, что ключ на месте, и начал подниматься вверх по тропинке к дому на заросшем кустарником холме. Сделал несколько шагов, и перед ним раскинулось море. Было темно, но он ощущал бесконечное пространство перед собой. Этот вид всегда наполнял его особым спокойствием.

Почти двадцать лет назад они купили простой дощатый дачный домик красного цвета, без изоляции и местами прогнивший. Как только появились средства, он снес старый дом и поставил новый на старом фундаменте. Мало-помалу они с женой создали свой собственный рай. Тогда он тратил все свободное время на строительные работы, а теперь дом стал тем местом, где он мог расслабиться, выдохнуть, отключиться. Местом, где реальное время не имеет значения, где оно выбирало свои собственные тропки в зависимости от погоды, ветра и собственного разума.

Он положил пакеты на порожек перед входной дверью и нащупал ключи. Свет маяка коснулся стены и снова пропал. Ув Баккерюду стало холодно, он затаил дыхание. Правая рука крепче сжала связку ключей. У него пересохло во рту, он почувствовал, как шея сзади и подмышки покрываются гусиной кожей.

Луч света снова скользнул мимо, подтвердив то, что ему почудилось мгновение назад. Дверь была при-

Закрото на зиму

открыта. Дверная рама была раздроблена, замок лежал на земле.

Он огляделся, но не увидел ничего, кроме темноты. В густом лесу поодаль раздался звук, хрустнула ветка. Издалека доносился собачий лай. Затем стало тихо. Только ветер шуршал осенними листьями да волны разбивались о берег.

Уве Баккерюд сделал пару шагов вперед, взялся за притолоку и потянул дверь на себя. Потом нащупал рубильник, зажег фонарь снаружи дома и свет в прихожей внутри дома.

Они с женой уже обсуждали, что подобное может случиться. Он читал в газетах и о подростковых шайках, которые вламывались в дома, круша все внутри, и о более профессиональных бандах, которые пачками прочесывали летние дома, охотясь на ценные вещи. Все равно ему с трудом верилось в увиденное сейчас. У него было чувство, что дом осквернили. Их дом.

Хуже всего дело обстояло в гостиной. Шкафы были открыты, ящики выдвинуты, содержимое расшвыряно по полу. Разбиты стаканы и тарелки, диванные подушки кинуты сверху. Все, что можно было продать, пропало. Новехонький плоский телевизор, стереосистема и портативное радио. Шкаф, в котором они хранили вино и крепкий алкоголь, был опустошен. На месте осталась лишь наполовину пустая бутылка коньяка.

Баккерюд наклонился и поднял корабль в бутылке, который обычно стоял на каминной полке, но сейчас лежал на полу. Стекло треснуло. Две мачты на изящной парусной шхуне были сломаны. Он помнил каждый час, когда сидел и следил за грубыми пальцами деда и тем, как они чудесным образом превращали маленькие детали в настоящий корабль. Помнил момент, когда корабль

Йорн Лиер Хорст

оказался на своем месте внутри бутылки, а дед потянул за нити, чтобы поставить мачты.

Голос дрожал, когда он позвонил в полицию и представился.

— Когда вы были в доме в последний раз? — попросил уточнить оператор.

— Две недели назад.

— Получается, взлом произошел после девятнадцатого сентября?

Уве Баккерюд оглядел разрушения, учиненные грабителями. Внезапно он почувствовал себя совершенно опустошенным.

— Вы знаете, побывали ли преступники в домах по соседству? — сотрудник полиции задал еще один вопрос.

— Нет, — ответил Уве Баккерюд и посмотрел в окно. Внизу горел свет в доме Томаса Рённингена. — Я только что приехал.

— Мы можем выслать патрульных для осмотра места происшествия завтра, — продолжал оператор из полиции. — До этого, пожалуйста, постарайтесь ничего не трогать.

— Завтра? Но...

— Мы позвоним вам, когда появится свободная машина. Вы будете доступны по этому номеру?

Он открыл было рот, чтобы возразить, потребовать, чтобы полицейские немедленно приехали с собаками и криминалистами, но промолчал. Сглотнул, поблагодарил за помощь и закончил разговор.

С чего ему начать? Он зашел на кухню и взял метлу с совком. Потом вспомнил, что полицейский просил не трогать место преступления. Он отложил орудия уборки и остался стоять возле окна, разглядывая соседский дом внизу.

Странно, что там горел свет. Томас Рённинген нечасто появлялся здесь осенью. У ведущего крупного пятнично-

Закрето на зиму

го ток-шоу и так было предостаточно дел. Однако он все равно нашел время, чтобы отпраздновать премьеру сезона в августе. Тогда соседи каждый со своим бокалом коньяка коротали время на улице возле наружного камина, а Рённинген рассказывал истории обо всем, что происходило за кулисами до, после и во время передачи.

В больших, подсвеченных окнах гостиной соседа мелькнула тень.

Грабители могли быть там. Судя по всему, они по-прежнему были там. Он сделал несколько быстрых шагов к двери и схватил карманный фонарик, который стоял на своем обычном месте. Может быть, полиция даст делу другой приоритет, если услышит, что Томас Рённинген тоже пострадал.

Ведущая вниз к морю тропинка петляла по плотным зарослям леса, вилась между скрюченных сосен с плотными ветвями. Фонарик освещал оголенные корни деревьев и валуны, но не помогал уклониться от хвойных игл и сухих веток.

В окнах дома горел свет, но с этой стороны они были расположены слишком высоко, чтобы суметь заглянуть внутрь.

Он посветил фонариком вокруг себя, прежде чем подошел к лестнице и входной двери. Ветер подхватил дверь и грохнул ею о перила веранды. Уве Баккерюд почувствовал, как его охватывает сильное беспокойство, от затылка к спине пробежала дрожь. Внезапно он осознал, что ему совершенно нечем защитить себя.

Маяк дотянулся лучом света до дверного косяка. На нем были те же следы взлома, что и на косяке дома Уве Баккерюда, но кое-что все-таки отличалось.

Пятна крови над дверным проемом.

День был долгим.

Вильям Вистинг сидел на диване, наклонившись вперед. Он неотрывно смотрел на ключ, лежащий перед ним на столе. Ключ давно не использовали, он был покрыт патиной.

Затем Вистинг поднялся и прошелся по гостиной. Снаружи на оконном стекле собрались мелкие плотные капли прошедшего дождя. Внизу, в Ставерне, через улицы медленно продирался автомобиль со спецсигналом. Синий свет то и дело прорезал темноту, но понять, была ли это машина полиции или карета «Скорой помощи», не получалось. Он провожал ее взглядом, пока та не исчезла в конце улицы Хельгероавейен. Потом развернулся и достал из углового шкафа бутылку. Судя по тому, что он мог разглядеть, вино было из Испании. Золотые буквы на этикетке гласили: 2004 год. Насколько он помнил, эта бутылка досталась ему после доклада для союза предпринимателей осенью прошлого года. Бутылка выглядела дорого, пребывание в шкафу вряд ли могло ей навредить. Он любил вино, но у него никогда не хватало ни времени, ни интереса, чтобы тщательно изучить сорта винограда, производителей, винные области, какое вино подходит к еде, а какое пристало пить отдельно. Его вполне устраивало попробовать и понять, что вино хорошее.

— Барон де Онья, — прочел он вслух надпись на этикетке и посмотрел на диван.

Сюзанне улыбнулась и ободряюще кивнула. Он улыбнулся в ответ. Она вошла в его жизнь два года назад и заняла в ней важное место. Неделю назад они съехались из-за того, что ее квартиру залило водой. Он

Закрето на зиму

не говорил ей этого, но ему нравилось, что она теперь живет в его доме.

Он захватил два бокала и кинул новый взгляд в окно, но не увидел ничего, кроме собственного отражения. Широкое лицо с грубыми чертами и карими глазами. Затем он повернулся к стеклу спиной, подошел к дивану и присел рядом с Сюзанне.

В телевизоре Томас Рённинген заполнял студию интересными гостями, которые могли взглянуть на один вопрос с различных точек зрения. Вистингу нравилась манера передачи совмещать развлекательную направленность и тяжелые темы. Ему нравился и ведущий. Томас Рённинген обладал мальчишеским шармом и мог создать интимную, искреннюю, доверительную атмосферу под светом видеокамер. Он вел себя как исследователь. Всегда задавал гостям умные и верно сформулированные вопросы. Вместо того чтобы припереть к стенке прямыми вопросами, он выманивал из собеседника признания, просто позволяя беседе идти своим ходом.

Сюзанне забрала бокалы и поставила их на стол. Вистинг сбегал за штопором. Прежде чем сесть, он снова посмотрел в окно гостиной. Похоже, еще одна машина со спецсигналом ехала в том же направлении, что и предыдущая. Машинально он посмотрел на наручные часы и отметил время: 22:02.

— Ну, поздравляю, — сказала Сюзанне и подняла бокал, чтобы он налил вина.

— Что ты имеешь в виду?

— С домом, — улыбнулась она и кивнула в сторону ключа на столе.

Вистинг плюхнулся обратно на диван.

День начался со встречи в адвокатской конторе в Осло.

Йорн Лиер Хорст

Дяде Георгу было семьдесят восемь лет, и бóльшую часть своей жизни он провел, развивая инженерную компанию, занимающуюся экономией электроэнергии. Вистинг никогда до конца не понимал, что это значит, но знал, что дядя разработал и запатентовал оборудование для дезинфекции и очистки воды и воздуха.

Своим предназначением дядя Георг считал преумножать нажитое, кроме того, он имел врожденную неприязнь к налогам и сборам. Из-за этого он несколько раз сталкивался с судебной системой, в результате чего его обязали уплатить налоги со всеми штрафами и дали условный срок.

Встреча в адвокатской конторе была посвящена последней воле Георга Вистинга. Речь шла о том, что государство никаким образом не должно претендовать на имущество после смерти дяди. Адвокат был специалистом в области наследного права и составил довольно запутанный план того, как дядя Георг распределит свое имущество перед смертью.

Вистинг, например, стал владельцем летнего дома в Вэрвогене возле Хельгероа. Его цена была искусственно занижена настолько, насколько позволял закон, чтобы база для налога на наследство уменьшилась до минимальной.

Это сделало его состоятельным мужчиной. Нет, дело не в средствах. Деньги не были проблемой. Он зарабатывал относительно хорошо, к тому же из-за работы у него не было времени их тратить. Были и другие деньги. Оставшиеся после Ингрид. И он, и дети получили миллионные компенсации, когда она погибла в Африке на задании от норвежского агентства поддержки развивающихся стран четыре года назад. Деньги лежали на счету и каждый месяц обрастали процентами. Вистинг был не в состоянии их трогать.

Закрето на зиму

Он помнил время, когда они только поженились, а Ингрид ждала двойняшек. Расходы увеличились. Случалось, им приходилось искать пластиковые бутылки, чтобы сдать в переработку, когда к концу месяца зарплатный счет опустевал. Теперь он больше не смотрел на цену, когда отправлялся за покупками.

Адвокат предложил проанализировать счета и составить план по максимальному снижению налоговых обязательств. Вистинг вежливо отказался.

Люди на экране над чем-то смеялись.

— Я завидую таким людям, — сказала Сюзанне и кивнула в сторону телевизора.

Вистинг согласно кивнул, хотя не понял до конца, каких именно людей она имела в виду. Ему просто нравилось сидеть вместе с ней на диване.

— Таким, которые просто делают, что хотят, — продолжила она. — Которые осмеливаются поставить на кон все. Отказаться от привычного и надежного, а вместо этого делать что-то новое и интересное. Таким, как Сигрид Хеддаль.

Вистинг посмотрел на экран. Женщина лет пятидесяти оживленно рассказывала о чем-то под названием «Безопасное будущее».

Сюзанне посмотрела на него:

— Подумай только, женщина за пятьдесят бросает стабильную работу проектного менеджера в экономической отрасли и уезжает в Аддис-Абебу, чтобы работать волонтером с сиротами. Здесь без мужества не обойтись.

Вистинг кивнул. Ему нравилась эта сторона личности Сюзанне.

— Томми тоже такой человек.

Он говорил о молодом человеке Лине, датчанине. Год назад Томми Квантер уволился с работы стюарда на ры-

Йорн Лиер Хорст

боперерабатывающем траулере, продал свою квартиру и съехался с дочерью Вистинга. Деньги от продажи квартиры он инвестировал в ресторанный проект в Осло вместе с парой товарищей. Вистинг считал Томми мечтателем. Не то чтобы он высоко ценил это качество.

Чуть раньше, после встречи с адвокатом, они с Сюзанне поужинали в ресторане Томми вместе с Лине. Вистинг впервые побывал там и понял, что это не обычная забегаловка. Это был трехуровневый ресторанный дом под названием «Шазам Стейшн»: в подвале был ночной клуб, на первом этаже кафе-бар, а на верхнем этаже ресторан.

Томми отвечал за кухню и работу ресторана. Он не смог с ними поужинать, но позаботился о том, чтобы они получили ужин из четырех блюд. Еда была вкусной, но не в ней дело. Куда подевались все гости в суматошный пятничный вечер? В зале было занято всего несколько столов, а официанты выглядели так, будто им нечего делать. Если так происходило каждый день, то деньги, вложенные Томми в ресторан, находились в опасности.

Он никогда по-настоящему не понимал, что дочьшла в Томми. Действительно, он мог быть и серьезным, и эрудированным, и даже Вистингу было очевидно его обаяние. Однако он совершенно не мог ему доверять. Дело было даже не в том, что на парне висела старая судимость за наркотики или что он бывал упрямым эгоистом. Просто Вистингу казалось, что Томми не тянет на человека, с которым его дочери следовало бы строить планы на будущее.

Иногда он размышлял, основан ли его скепсис только на том, что Лине его дочь, но приходил к выводу, что это не так. В последнее время, когда он видел их вместе,

Закрето на зиму

Лине заметно чаще обращала внимание на отрицательные черты Томми. Она частенько злилась на вещи, которые говорил и делал ее любимый, и Вистинг должен был признать, он рад, что она перестала во всем соглашаться с молодым человеком.

— Если не осмелиться воспользоваться шансом попробовать что-то новое, можно и не надеяться достичь чего-то, — продолжала Сюзанне. — И что терять? Независимо от того, сколько раз человек терпит поражение, он приобретает каждый раз новые знания. Любой опыт ценен. И положительный, и отрицательный.

Одному из гостей передачи задали вопрос, на который тот не сразу смог найти ответ. В возникнувшей тишине Вистинг мог расслышать далекие звуки полицейской сирены.

Он взял бокал со стола и замер с вином в руке.

— А ты бы могла открыть ресторан? — спросил он.

— Да, — ответила она удивленно и улыбнулась ему. — Может, не совсем ресторан, а небольшое арт-кафе. Жизнь слишком коротка, чтобы проводить ее так, как я сейчас. Приходить в офис каждое утро. Встречи, планирование бюджета, урезание расходов, проекты.

Сюзанне трудилась социальным педагогом в норвежской службе защиты детей и много лет работала с молодыми и одинокими просителями убежища. В последние годы работа принимала все больший административный уклон, и сейчас она работала в кабинете, никак не контактируя с теми детьми, которым хотела помочь.

— А как назовешь? — продолжил он и поставил бокал обратно, так и не пригубив.

— Что ты имеешь в виду?

— Если ты мечтала открыть кафе, ты и о названии наверняка думала.